

пестрота сплавливаемых материалов — конструктивные особенности жанра письма.

На этом фоне структура «Письма к другу» предстает как система, реализующая свое содержание в иных и прямо противоположных категориях: некая несвобода, запрограммированность, «беседование» на определенную тему (примечательно, что с формулировки ее начинается текст⁸), повествование логически строгое и последовательное, а не дружеская *causerie* о многом, обо всем, узаконившая «болтовню», свободный переход от одной темы к другой, «перерывы» в развитии темы.

В контексте современной эпистолярной культуры «Письмо к другу» могло показаться архаичным, ассоциирующимся не с живой практикой, а с рекомендациями безнадежно отставших от нее писемников,⁹ и поэтому «неузнаваемым», не воспринимаемым как письмо. «Неузнаванию» способствовало и еще одно чисто формальное обстоятельство. По некоторым внешним признакам: подчеркнутая ориентация на новости, немедленный отклик на события — радицевский текст невольно подключался к популярной в XVIII в. традиции письма-хроники, письма-газеты и попал в явно неблагоприятный для себя контекст, не проявлявший, а затемнявший его «сопряженность» с письмом (переписка Рейналя с герцогиней Саксен-Готской, письма мадам де Севинье, «*Correspondance litteraire, philosophique et critique*» Фридриха Мельхиора Гримма, где собственно информационный момент существовал в оправе той же светской *causerie*). С другой стороны, серьезность и важность тематики, документальная основа и публицистический пафос неизбежно сближали «Письмо к другу» с очерком. Таким образом, непроясненность жанровой структуры «Письма к другу» есть не что иное, как следствие стандартизации мышления XVIII в., подвластного некоему стереотипу формы и еще не способного уловить отклонения от него.

Сложность и новаторская сущность жанровой природы «Письма к другу» определяются тенденцией к взаимодействию и взаимопроникновению двух «противоборствующих» начал: документально-повествовательного, очеркового, и исповедально-субъективного, эпистолярного. Тот синтез, к созданию которого стремился Радицев, должен был одновременно возвести частное письмо к недостижимой для него тогда высокой гражданской, революционной тематике и превратить бесстрастный очерк в «излияние страждущей души».

⁸ «Вчера происходило здесь, с великолепием посвящение Монумента Петру Первому в честь воздвигнутого; то-есть открытие его, Статуи, работы Г. Фальконета. Любезной друг побеседуем осем в отсуствии» (I, 147).

⁹ См., например: «От отца к сыну, находящемуся в отлучке, увещание к трудам и учению»; «Совет без требования едущему в чужие края»; «Обещает писать новизны»; «Каким образом должно наживать друга и как с ним жить, ежели он найдется»; «Что называется красота, и что называется приятность» и др. — Наставление, как сочинять и писать всякие письма... [М.], 1769.